

СОХА И МОЛОТ

Вся власть Крестьянам и Рабочим
в лице их Советов.

Минусинск, 17 октября 1919 г.

15 с. м. день со стороны дер. Комарковой слышались оружейные выстрелы: бу—ух!—то и дело раздавалось в воздухе. Это „уханье“ различным образом отзывалось на живущих в Минусинске. Старухи и старухи, набожно крестясь, произносили: „Царица Небесная! помилуй нас, грешных!“ Крестьяне, бывшие по делам в городе, спешили поскорее уехать в свои деревни. Обыватель, забравшись в свою берлогу, сидел, притаившись, как суслик. Оставшиеся в городе приверженцы и сочувствующие „славному“ казачеству от радости потирали руки—вот, мол, скоро придут наши. И только те, которые подобно хамелеонам, обладают способностью окрашиваться в любой цвет, были более спокойны. „Чего нам бояться? Нам все едино... Какому Богу ни молиться, лишь бы молиться.“ Совершенно спокойными были наши солдаты. „Ишь, подлец, как запырывает!—говорит один солдат.— „Должно быть, гад из шести дюймовки дует. Вот, отобрать бы ее у него“...

Да, наши войны спокойны. Они не боятся „ухавий“ вражеских орудий. Они к ним привыкли. Ведь большинство из них видели и не такие „страхи“ во время четырехлетней войны с немцами. Им ли, участвовавшим в боях под Варшавой, в Августовском лесу, Карпатах, Пинежских болотах и мн др., бояться выстрелов своих врагов? Ведь большинство из них дрались, как львы, в Кавском, Ачинском и Красноярском уездах. Многие из них были в славных боях под Перовском, Насем, Талой, Тюлюпом, когда силы врага имевшего на своей стороне преимущество в вооружении, превосходили наши, силы в несколько раз, когда „славные“ офицерские батальоны и разукрашенные Красильниковы шли густыми колоннами „разорвать окончательно красивые тришки“ (как они выражались) и все таки, не смотря на свое упорство и храбрость после нескольких часов схватки бежали, разбитые в пух и прах, бежали, не успев даже подобрать своих раненых и убитых звездносцев.

Пусть не думают враги, что их пушканы снарядов устроят наших солдат. Они привыкли к этому. Их не устрашит „уханье“. Они рвутся в бой и докажут, как умеет драться с душителями свободы возставший крестьянин...

Андрей.

От монархии до советов.

(Продолжение).

В это время в защиту Учредительного Собрания, на Дону выступает Каледин, на Востоке Семенов, на Урале—Дутов, на Мурмане, в Крыму, на севере (Архангельск) выступают наши „доблестные союзники“—французы и англичане. Вся эта алчная гидра капитала с распртертою пастью кровожадной акулы бросается на Советы. Для каждого здравомыслящего человека было очевидным, чего добивался этот своеобразный интернационал. Как ни смешно было видеть, когда вчера еще враждовавшие из за приоброения богатых рынков смертные враги—капиталисты всех стран плотно об'единились и пошли по давлению большевизма, боясь, что эта зараза перекинется и к ним из революционной России. Это был смертельный удар в сердце международного капиталу, а потому он, как затравленный зверь бросился на своих преследователей, пуская в ход все средства: коварство, груды денег, лож и нечеловеческая расправа со своими заклятыми врагами крестьянами и рабочими. Нужно быть только не большим политиком, а не политиканом чтобы усмотреть все, что творилось в буржуазном мире всех стран и к чему сводится такая авантюра. Но близорукие господа соглашатели или не замечали этого или не могли еще отрешиться от мысли, что в России нет буржуазии, а потому, мол, не с кем вести классовую борьбу. А может быть они еще рассчитывали на великодушие господ с толстыми карманами, что эти последние из великодушных отведут им место в преслаутом парламенте. Бог им судья! Но факт тот, что постыдный союз „социалистов“ против трудового народа был заключен. Ужасы гражданской войны разрастались все больше и больше и, наконец, дошли до роковой черты. Капиталисты, узурпируя власть, думали попрежнему своими зверствами внушить страх своим прежним жертвам-трудящимся. Но глубоко ошиблись Народ, вкусивший раз плоды свободы, не хотел больше нести рабское ярмо и этот гигант крикнул всем кровососам огненныя слова: „Долой дармоедов“.

Авангард русской революции—рабочие красного Питера и Москвы—стойко стали на стражу интересов революции и лозунгов, провозглашаемых Сов. Нар. Комиссаров, и этот авангард сгруппировал около

себя появивший всю фарисейскую политику капиталистов трудовой народ имя которому легион.

Советская Россия ведет борьбу на многих фронтах и, как видно из самой же буржуазной прессы, успех везде и всюду на ее стороне. Все эти призрачные герои буржуазного лагеря; Юденичи, Деникины, Алексеевы и проч. представляют из себя не больше как жалких рыцарей печального образа. Они со своей авантюрой обречены на неизбежное банкротство.

П. Петров.

Развитие народного хозяйства.

(Продолжение).

В предыдущей статье (см. № 17) мы выяснили цели и задачи политической экономии, а также наметили те основные ступени, по которым шло развитие народного хозяйства. Теперь нам нужно сделать маленькую оговорку, а затем уже перейти к дальнейшему изложению сущности вопроса. Дело в том, что хозяйственная деятельность людей, как и все вообще в мире, вид изменялась. При этом видизменялась она постепенно, без резких скачков и не везде одинаково. Но общий план развития сохраняется приблизительно один и тот же. И вот, учитывая последнее обстоятельство, мы условимся говорить о развитии народного хозяйства вообще, не приурочивая его к какой либо строго определенной стране или точно определенному времени. Для нас будет безразлично в России ли происходит это дело, в Германии ли, в Англии, Америке или в другом государстве. Нам важно в данном случае выяснить общий закон развития народного хозяйства, который бы мог служить мерилем для сценки тех или иных явлений общественно экономической жизни. А теперь будем говорить дальше.

Как я уже упоминал в предыдущей статье, во времена очень отдаленного человека жил той же жизнью, какою живут теперь животные: он не знал никакой организованности, а все его потребности ограничивались изысканием пищи и защитой себя от разных опасностей, которые могли ему встречаться на каждом шагу; он не имел, например, никакого оружия, а потому его легко можно съест любой зверь если этот зверь употреблял в пищу мясо животных.

Находясь, таким образом, весь во власти случайностей, человек понял, что ему будет гораздо легче вести борьбу за свое существование, т. е. добывать пищу и защищаться от разных опасностей, в том случае, если он не будет действовать в одиночку, а объединится несколько человек в место. И вот, под влиянием указанных причин появляется первое человеческое общество—семья. Эта семья отличалась от современной тем, что она была значительно больше численностью и главным управителем и деспотом в ней был старший член этой семьи.

Как же протекала хозяйственная деятельность в этой семье? Она выражалась в том, что члены этой семьи коллективными (об'единенными) усилиями изыскивали

пищу, устраивая для этой цели охоты, рыбную ловлю и сбор при одних в пищу плодов и корней. Добытое общими силами старший в семье распределял между всеми членами семьи, не забывая при этом уделить львинную долю себе. После распределения продуктов проиходило потребление их. Таким образом, здесь между производством (добычей) продуктов и их потреблением устанавливается новая ступень—распределение их. Но круг хозяйственной деятельности ограничивался только одной семьей. Никаких сношений на экономической почве с другими такими же семьями не наблюдалось. А так как ничего связывающего не было, то и дружественным отношениям укрепиться было не на чем. Наоборот, часто происходили раздоры, принимавшие характер войн. Мы уже упомянули те источники, которые давали пищу первобытной семье—это охота, рыбная ловля, собиране плодов и корней. Но нам и теперь не трудно заметить, что в одном месте больше водятся зверей, возле рек больше ягод, чем в каком либо другом месте. Ясно, что там легче добыть пищу, где все упомянутое имеется в изобилии. Отсюда вполне понятно, что каждая семья стремилась занять те места, где легче найти пищу. Представьте что двум семьям понравилась одна и та же местность и добром отказать не хотят ни та ни другая семья. Разгорается война. А при войне, кого убьют, а кого и в плен возьмут. И вот люди придумали пользоваться пленными, как рабочей силой, заставляя их добывать победителям пищу. Пленные эти становились не свободными людьми, вполне зависимыми от своих победителей и безответно выполняющими приказания последних, или, короче говоря, они становились рабами. Таким образом, мы видим, что стремление пожить за счет своего двуногого собрата заодилось у людей еще в глубокой древности. Еще тогда появились господа и рабы, при чем в то время, как господа пользовались всеми правами, рабы были совершенно безправны. Но нам важно отметить здесь ту сторону, что рабство появилось под влиянием экономических причин, в связи с развитием хозяйственной деятельности.

Рабство существовало очень долго и особенно сильно развивалось оно у римлян, (римляне жили там где теперь находится Италия.) Эти люди вели почти непрерывные войны, которые давали большое количество пленных, становившихся рабами. Таким образом, получилось огромное количество рабов. Так, например, у богатого рабовладельца рабов насчитывалось целые тысячи. Такое изобилие рабов давало возможность владельцу дома расширить свое хозяйство до поразительных размеров. Все рабы держались в строгой дисциплине, а при малейшей попытке свергнуть деспота к возставшим применялась жестокая расправа.

Но здесь мы зашли немного вперед. Возвратимся ненадолго обратно. Мы покинули наше первобытное хозяйство как раз в то время, когда единственным источником к изысканию пищи и одежды служила охота, а отчасти рыбная ловля, а также собиране плодов и корней. Проследим вкратце дальнейшее развитие хозяйства.

Человек всегда стремился к тому, чтобы при меньшей затрате труда удовлетворить возможно полнее свои потребности. Охота, в особенности в те времена, когда все вооружение человека заключалось в какомнибудь камне или палке,—было ремеслом ненадежное. Убил зверя—значит будешь сыт и оденешься шкурой, а не убил—изволь поголодать и померзнуть. Вот, чтобы обезпечить себя более стойкое существование, человек еще в давние времена стал приручать диких животных и разводить их. Говорят, что раньше всего человек приручил собаку, но нам то безразлично—собака это была, корова, лошадь или какоенибудь другое животное. Нам интересно лишь то, что хозяйственная деятельность людей видизменилась и прежние охотничье хозяйство стало скотоводческим. А впоследствии человек научился и земледелию. Эти новые виды хозяйственной деятельности (скотоводство и земледелие) давали более обезпеченное существование, так как получалось возможность иметь всегда известный запас необходимых для существования продуктов, тогда как при охотничьем хозяйстве, если и можно было иметь запас, то всего лишь на несколько дней.

(Продолжение будет.)

Морзеи.

Политические права.

Буржуазная пресса ежедневно твердит нам на все лады о значении политической свободы и политических прав человека: всеобщей подаче голоса, свободе выборов, свободе печати, союзов, собраний и т. д. и т. д. «Зачем возмущаться? зачем прибегать к оружию?» — говорит она: — когда у нас есть все эти права, а, следовательно, и возможность произвести необходимые реформы!»

Оценим же эти пресловутые политические права с нашей точки зрения, т. е. с точки зрения того класса, у которого очень мало прав и слишком много обязанностей.

Мы не скажем, как это говорилось раньше, что политические права не имеют в наших глазах никакой цены. Мы прекрасно знаем, что со времен крепостного права и даже с прошлого века в этом отношении кое что сделано.

Французский рабочий уже не то существо, лишенное исканий человеческих прав, каким он был раньше, когда аристократия смотрела на него, как на рабочего скота; вне своей мастерской, он считает себя равным всем остальным гражданам. Французского крестьянина нельзя сечь на улицах, как это делается в России.

Бурными резолюциями и пролитой кровью народ завоевал себе некоторые личные права, умаляя значение которых мы не хотим.

Но есть права и «права», и надо уметь их различать. Некоторые из них имеют реальное значение, другие же лишены его; что смешивает, тот только обманывает народ.

Есть права, как, например, равенство перед законом аристократа и крестьянина, телесная неприкосновенность каждого гражданина и т. п., которые достались народу после упорной борьбы и настолько дороги ему, что малейшая попытка нарушить их вызовет возмущение.

И есть такая права, как всеобщая подача голоса, свобода печати и т. п., к которым народ был всегда равнодушен, так как он чувствует, что эти права, защищая буржуазию от самовласти аристократии, служат оружием в руках господствующего класса для порабощения трудового народа.

Их даже нельзя назвать политическими правами, так как они не охраняют интересов трудового народа; это только наш политический язык, выработанный имущими классами исключительно для своих нужд.

В самом деле, что такое политическое право, как не оружие для защиты независимости и свободы тех, которые сами не могут анулировать уважения к этим своим правам? Каково его значение, если оно не может дать свободы тем, которые должны ею обладать?

Буржуазия не нуждается ни в свободе печати ни в свободе собраний, она и так знает все, что хочет, устраивает какие угодно собрания; исповедывает те учения, которые ей больше по вкусу; она и так свободна.

А если комунибудь и нужно дать эту свободу слова, печати и собраний, то только тем, которые сами не могут обеспечить себе этих прав и проводить в жизнь свои идеи, свои принципы.

Таково происхождение всех политических прав. Но в наше время даются ли эти права тем, кто в них нуждается? Конечно нет. Всеобщее избирательное право может до некоторой степени ограничить буржуазию, не заставляя ее прибегать к оружию; оно может служить для умиротворения соперников, оспаривающих друг у друга власть и удерживать их от кровопролития. Но это право бесцельно там, где надо низвергнуть или ограничить власть и уничтожить господство привилегированных классов.

Прекрасное оружие для мурного разрешения недоразумений между аристократией и буржуазией, но какую пользу оно может принести нам? История отвечает на этот вопрос. Пока буржуазия думала, что всеобщая подача голосов будет в руках народа для борьбы с привилегированными классами, она всеми силами противилась ей. Когда же, в 1848 году, она поняла, что это право не только не грозит ей при веллегиям, но даже не мешает ей властвовать над народом, — она сразу ухватилась за него.

Теперь буржуазия стала яркой защитницей всеобщего избирательного права, так как она знает, что это лучшее средство,

чтобы удержать в своих руках господство над угнетенными.

То же самое относительно свободы печати. Каков довод был самым убедительным в глазах буржуазии в пользу свободы печати? В средние века сжигали колдунов, потому что имели глупость их считать всемогущими. Теперь делают то же глупость относительно печати. Но печать тоже бессильна, как средневековые колдуны и потому долой преследование печати! Вот какой аргумент выставляет теперь буржуазия в защиту свободы печати! «Посмотрите», горорит она! — на Англию, Швейцарию, Соединенные Штаты. Там полная свобода печати, а между тем нигде так неразвита эксплуатация, нигде так властно не царит капитал. Пусть на рождаются вредные течения; мы всегда сумеем заглушить голос их органов, не прибегая даже к насилию.

А если когда нибудь, в момент возбуждения, революционная пресса и станет опасной. Мы всегда успеем уничтожить ее под каким бы то ни было предлогом! Насчет свободы собраний те же рассуждения; «Дадим полную свободу собраний», — говорит буржуазия; народ не смеет коснуться наших привилегий. Мы должны больше всего бояться тайных обществ, а публичные собрания лучшее средство. Если же в момент сильного возбуждения, публичные собрания и стали бы опасными, мы всегда можем их воспретить, так как в наших руках власть.

Неприкосновенность жилищ? «Мы не имеем ни малейшего желания, чтобы агенты полиции трезжили вас у семейного очага».

Говорят хитрые буржуа, но мы учредим тайную канцелярию; мы заселим страну агентами тайной полиции; мы составим список неблагонадежных и будем зорко следить за ними. Когда же мы почуем, что опасность близка, тогда на неприкосновенность будем арестовывать людей в постелях, допрашивать их, обыскивать жилища. Не будем останавливаться ни перед чем, и тех, кто слишком громко будет заявлять свои требования, упрячем в тюрьмы.

Неприкосновенность корреспонденции? Говорите всем, пишете, что корреспонденция неприкосновенна. Если начальник почтового отделения в глухой деревне из любопытства распечатает какое нибудь письмо, лишите его тотчас же должности, кричите во всеуслышание: «Чудовище! преслушник!» Остерегайтесь, чтоб те мелочи, которые мы сообщаем друг другу в письмах, не были разглашаемы. Но если вы нападете на след предумышленного заговора против наших привилегий, — тогда нечего стесняться; будем вскрывать все письма, учредим целый штат специальных чиновников, а протестующим скажем: «Да, господа, с глубоким отвращением вскрываем мы письма, но что же делать? Ведь отчество (вернее, буржуазия) в опасности».

Вот, к чему сводится эта, так называемая, политическая свобода. Свобода, печать, свобода собраний, неприкосновенность жилищ, и все остальные права признаются только до тех пор, пока народ не пользуется ими, как оружием для борьбы с господствующими классами. Но как только дерзнет посягнуть на привилегии буржуазии все эти права выкидываются за борт. Это вполне естественно. Неотемлемы лишь те права, которые человек завоевал упорной борьбой и ради которых готов каждую минуту снова взяться за оружие.

В современном обществе разделенном на рабов и господ, не может существовать настоящей свободы; о ней не может быть и речи, пока будут эксплуататоры и эксплуатируемые.

Но какими бы рабами капитала мы не были, мы хотим печатать все, что найдем нужным, собираться и организоваться по своей воле, — и все это, главным образом для того, чтоб, как можно скорее, свергнуть постыдное иго капитала.

Пора понять, что не у конституционного правительства мы должны просить помощи ни в кодексе законов, который может быть уничтожен по первому капризу правителя. Мы должны искать защиты своих естественных прав, только тогда когда мы станем организованной силой, способной внушить уважение к своим требованиям, только тогда мы сумеем постоять за свои права. Захотим ли мы свободы п е ч а т и, с в о б о д ы с л о в а, собраний,

союзов — мы не должны просить их у парламента, не должны ждать от сената, как милостыни, издания соответствующего закона. Станем организованной силой, способной показать зубы каждому, дерзнувшему посягнуть на наши права; будем сильны, и никто не посмеет тогда запретить нам говорить, писать и собираться.

В тот день, когда мы вселим единодушие в среду угнетенных, в эту молчаливую, но грозную армию объединенного одним желанием — приспосабли и защищать свои права, — никто не дерзнет оспаривать их у нас.

Тогда, и только тогда, мы завоеем себе эти права, которые мы тщетно бы просили десятки лет у какого бы то ни было конституционного правительства. Тогда они будут принадлежать нам вернее, чем если бы их гарантировали писанные законы.

Прав не даю, их берут.

Рабочий.

Совестное турнэ.

«Бойды вспоминают минувшие дни И бьются где, вместе руближась оны»
А. С. Пушкин.

Посвящаю:

Товарищу А. Д. Кравченко, как первому человеку из за Маны подвешену меч за великое дело Освобождения.

Товарищу П. П. Петрову, хотя не единомышленнику, но твердо стоящему на камне Советов.

Товарищу Андрею, как другу, но не по Амфитеатру, а как несущему на алтарь борьбы факел Света.

Товарищу Тане Перовой, с душою частой, как Красное Знамя, разделяющей с нами все лишения за все Будущее.

Товарищу В. Щупину, как солдату и соруднику, а как единомышленнику.....

Вместо предисловия.

Я не из тех великий мира,
Но бедный знаменем племей,
И не для света моя лара,
А лишь для братии мой.
Несущей красны знамена
Коммунистически св бод.
Где равноправен весь народ.
Где в сердце только лишь законы,
Но ни рабов нет, ни господ.

В дорогу скорей, в дорогу, скорей!
Душа моя жаждет простора...
Прощай, ветно дурый, но вольный Ваджей,
Прощайте выс кад горь!...
Я знаю — в груди твоей лава капит,
Тот огненный космос творенья;
Твой огненный и зг превратился в гравит
В атомной железной сцепленьи.
Ты бурный силы в груди затаял,
Но рвутся они и клочкуют,
И чуждыя смерти из твоих могил
Над миром блестят они току;
И солдну в прыжке поведать тотят
Что им, мол, и здесь не ввертны,
И родны тебе живые дарующий брат
И также как ты — мы бессмертны.
Поватаа твоя вековая скржалъ
Мы повали кенту природы.
И являя счастливую светлую даль
Под знаменем честным свободы,
И в нашом Вулкане, Вулкане груди
Есть сил — свободой зовется,
Как ты — она идет все к солнцу пути,
Бунтарски без удержу рвется.
И рабство раздробит наш молот труда
Не будет у нас угнетенья:
Потерянный рай возвратится сюда —
Близка уж пора возрожденья...
Грошова-ж травы мы в пыль презратив,
Как копыта древних кумиров
И больше кумира уж не сотворим
И ставем, как бги, над миром.
Зачем нам колиты? — Мы сами в груди
Творцы своей жизни и боги.
Длой ценой рабства, чтоб вым впереди
Тирани не путали ноги!

Пр щайте!.. В «Вестнику» я еду, друзья,
Что «Рыбий» в нарде зовется;
Иллия тот сотрудинок, все же там я
Исползую силу. Пусть летят
Дубовая рифа. Такой я и эт.
Я плещ, а не сын Атоллова,
Не Вальмонт холодный и толевый, нет,
Но в блазе я труженник вольный.
И в свете салонном язык не чесал,
Не бегал из края родного
Как «Дима» писатель его избегал,

Ища в «Нидпах» больше святого.
Иль в «Ваденах» разных просторней душ
Словиться «Фи рди» печатая.
А люди все ждали, живи в шалаше,
Что вы он разведает о рае.
Не для я слезу о еврейх о, vet!
На что же был Черяков гений,
Но вт революция вышла на свет —
Проклял ее этот Евгений.
Проклял глубоко. Даже бросил плевков
Редактору, вольных «Известий»
За то, что он с ними остаться не и г
И бр сяд к дильнице вестя.
А мы им за это палюем в глаза,
Бездарной, писучей пляде
«Искусство искусству — вот их небеса,
Швыряем в лету кубок их с ядом.
Мы пили его от начала веков,
Запом, безумно мы пили;
Говели мы часто во время пост в
Да небу яшь только молились.
И вся наша жизнь была дьявольский пост,
Дымилась свечи обману...
И всех нас водили на черны помост
Поны да цари шарлатавы.
Но вет, мы отвиним, как Дарвин отнял
У Б га все силы творенья
Возьмет его громи, как Франклин их взял, —
Вот ваша стезя искушенья.

(Продолжение следует)
Т. Рагозин.

Генерал революционного времени.

«Для чего ты, папа, носишь
Эту шапку и погонь? —
Так спросила генерала
Дочка маленькая Рона.
— «Эго, доченька, награда
Императора России.
Этой шапкой, непокорным
По закону рубят выи.
Интересная картина
Когда шею пересекать —
Кровь летит, как из фонтана.
Ты-ж стоишь и наблюдаешь
Голова же, отлетая,
Язык высунет и празнит.
И смешно как, и чудесно!
На душе от вида праздник.
А погонь — в них почует
Сила власти, светоч трона
С Божьей милостью мы держим
Нашу жизнь, даря, законы».
«— Папа, папа!.. Непокорным
Огрубать как будешь шею,
Ты возьми меня. Я буду
Развлекаться той затесей.
Верх искусства, — голова как
Языком дразниться будет
И фонтан забрызжет крови
Ведь невиданное чудо...
Как я звонко размесею,
Голову толкну ногою,
Как шаром я ей займуся
Коронованной игрою.
Папа! папка! возми же
На казенный праздник смерти.
Пусть узнаю я, какие
Непокорные те черти.

т. Рагозин.

Редактор — издатель

Редакционный отдел Крестьянской армии.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Ищу в Минусинске родственника
Ивана Говриловича Мама-
итова спросить Жоголеву, дом
Пашеных.

Утерян ковш масти соловой, грива на
правую сторону с отметом, на нем англий-
ское седло. Доставить в главный Штаб
Крестьянской Армии.

У кр. дер. Самодуровки Екимовой Елены
Филимоновны 15 октября убежал с базара
рыжий жеребец, 5 лет, без тавра, запря-
женный в ридван, просьба, если лошадь
эта кем либо поймана, представить ее в
Минусинский уездный комиссариат.